

Кандидат архитектуры Байджанов И.С.

Взаимоотношения архитектора и города за рубежом

Растущий интерес западных архитекторов к истории выражается не только в умножении числа теоретических концепций города, созданных на основе исторических сведений. Наблюдаются попытки изменить прежнюю ориентацию архитектурного проектирования, нацелив его на реализацию новой идеи города. Переосмысление задач и целей архитектурного проектирования пока носит общий, неопределенный характер и почти не затрагивает существа конкретной проектной практики, которая по-прежнему развивается в русле идей современной архитектуры. Тематика обсуждений этого вопроса детерминирована очевидным противоречием между активным, созидательным духом проектной деятельности и профессиональной ориентацией на прошлое, предполагающей скорее охранительные и восстановительные, чем преобразовательные действия. Осознанию этого противоречия и попыткам его разрешения посвящено довольно много работ западных архитекторов.

Дэйвид Гослинг (Gosling) - английский градостроитель считает, что история наряду с корбюззианской функцией и экономикой должна стать источником новых градостроительных идей. При этом саму историю автор трактует расширительно, включая в нее кроме опыта формирования

города в прошлом весь опыт современного градостроительства. Он считает, что этот этап профессиональной истории завершен, и градостроительные идеи XX в. Можно использовать как материал при выдвижении новых гипотез. Автор анализирует сегодняшнюю практику urban design (городского проектирования) и перечисляет несколько видов проектных техник, по его мнению, перспективных и определяющих будущее города. Среди них он называет такие, как посредничество (участие горожан в проектом процессе), возвращения к жизни (проекты превращения заброшенных промышленных городов в туристские центры), инверсия (придание новой функции существующим зданиям и комплексам), иконография (аналогичное изменение функции и художественного образа городских площадей и других общественных пространств). Он также называет проектные техники, основанные на трактовке городской застройки как особого внутреннего пространства города, подразделяемого на ряд подпространств, как пространственной матрицы, задающей четкие ориентиры для жителей и направления дальнейшего развития, как специфической общественной сферы города, представляющей собой взаимосвязанную систему улиц, площадей и разнообразных общественных заведений.

Специальное внимание Гослинг уделяет концепции города как “третьей типологии”. Вслед за другими он говорит о двух принципиально разных системах характеристик, определяющих исторический и современный город. Морфология города прошлого, по его мнению, представляет собой смещение функциональных, пространственных, образных и других характеристик. Гармоничное сочетание морфологических элементов города и образование сложного единства характеристик городской структуры было результатом множества переделок и достроек в течение, долгого времени. Проблема соответствия отдельных морфологических элементов целому в современном городе разрешалась одномоментно, с помощью представления о функциональном типе, относимого как к отдельным зданиям, как и к целым участкам городской территории.

Приверженцы концепции третьей типологии стремятся совместить типологические характеристики исторического и современного города, представляя городскую морфологию в виде функционально-пространственного конгломерата, составленного из построек, каждая из которых имеет свои стилистические и конструктивные особенности, свой способ использования, принадлежность к типу владения и т.д. Основное условие жизнеспособности такой городской морфологии – подчинение единому типологическому принципу, собирающему в систему множество характеристик застройки.

Причем каждый конкретный город обладает собственным типом застройки, и дело архитектора обнаружить этот тип и соотносить с ним свои проектные решения. Гослинг отмечает, что на базе представления о третьей типологии появилось довольно много конкретных проектных решений, в которых есть попытка учесть характер существующей застройки.

Бари Мэйтланд (Maitland) - английский градостроитель подробно анализирует широко распространившийся в практике проектирования новых объектов в исторических зонах городов прием инверсии, т.е. приведения физических и прочих параметров существующей застройки в соответствие с функциональными требованиями проектного задания. Автор отмечает, что вопрос пределов, до которых может пойти архитектор в такой подгонке, сейчас активно обсуждается в профессиональных кругах. Для определения четких критериев сохранности существующей застройки важно ответить на следующие вопросы: какую из исторических моделей города нужно реализовывать и который из исторических этапов развития города нужно подчеркивать в проекте. К этому Мэйтланд добавляет противоречие между желанием восстановить историческую морфологию города в полном объеме и сегодняшними критериями функциональной полноты города и специфики его эстетических качеств.

Необходимость учесть эти вопросы приводит, по мнению Мэйтланда, к выработке приемов проектирования автономных образований в существующей застройке. Важным условием при этом становится сохранение или повышение значимости исторической зоны в общей структуре города. Ценные характеристики исторической застройки выявляются улучшением функционального режима прилегающих к ней участков города, созданием визуальной, транспортной и других связей с наиболее значимыми постройками города и т.д. Другими словами, речь идет о формировании автономных объектов различного масштаба и назначения с целью изменить градостроительную ситуацию в пользу сохранившихся участков исторической застройки. Эта концепция, которую Мэйтланд называет “about architecture” (рядом с архитектурой), вызывает у него недоверие, так как открывает дорогу разнообразным вариантам импортируемой архитектуры, модернистским решениям, не имеющим непосредственной связи со спецификой ситуации конкретного города.

В исследованиях западных архитекторов встречаются попытки проанализировать в профессиональных терминах градостроительную ситуацию, с которой сталкивается проектировщик, вписывающий новую постройку в

сложившееся окружение. Стивен Питерсон (Peterson) – американский архитектор-проектировщик выделяет автономные элементы городской морфологии, пользуясь пространственными критериями*. Основной пространственный элемент – поле, т.е. фрагмент городского пространства с ясно выраженными характеристиками, имеющий свои границы, центр, особый рисунок. Противоположностью полю является ткань, т.е. аналогичный фрагмент городского пространства, но не имеющий определенных характеристик. Далее автор называет два организующих элемента поля и ткани – это улица и площадь. Квартал, по мнению Питерсона, является основным материальным элементом поля и ткани, сочетание кварталов и задает рисунок городской застройки.

Исходя из такого понимания городской морфологии Питерсон видит задачу градостроительства в составлении комбинаций из перечисленных элементов. Результат контролируется соотношением с аналогичными характеристиками существующей застройки. По мнению автора, возможно непосредственное соотношение нового и старого с помощью визуальных коридоров, продления существующих осей, повторения масштаба и ритма членений и т.д. Кроме того, он говорит о более отвлеченных способах соотношения старого и нового и предлагает отыскивать в исторической застройке определенную прототипическую структуру, которую и следует разрабатывать в проекте: город-сад, холмистый город, итальянский сад, регулярная решетка и т.д.

Американский архитектор-проектировщик Алэн Чимакофф (Chimacoff), анализируя некоторые сегодняшние приемы градостроительства, приходят к выводу о том, что разнообразие приемов и идей в этой области еще не сложилось в новое самостоятельное направление**. Он видит причину подобного положения отчасти в том, что архитекторы в своей работе ориентируются на весьма разнохарактерные профессиональные образы. Среды таких образцов и нейтральное модернистское пространство, и брачные перспективы, и небоскребы Манхаттана, и схема дерева и т.д. Персональные концепции архитекторов столь же разнообразны, сколь и фрагментарны. Автор не находит в них определенной системы, относя их к разным интеллектуальным направлениям от механистического рационализма до поэтического мистицизма. Тем самым Чимакофф затрагивает важный вопрос о том, какая проектная, а не абстрактно-теоретическая концепция города стоит за градостроительными приемами, получившими признание в последнее время. В этой связи будет интересно рассмотреть 1-2 персо-

нальные концепции города, сформулированные архитекторами-проектировщиками.

Антуан Грумбах (Grumbach) - французский архитектор-проектировщик рассматривает город прежде всего как систему материальных объектов, наделенных символическим содержанием*. Город состоит из зданий, скомпонованных в кварталы, которые разделены улицами и площадями. Город выражает свое назначение через здание, понимаемое как монумент (*monumentum*), т.е. хранилище памяти, воспоминаний. Город и история для автора есть вещи сходные, почти синонимы. При этом он разъясняет, что история это не хронология событий, а нечто стабильное и вневременное. История это *la longue duree* (длящаяся продолжительность), нечто, происходящее непрерывно и всегда, глубоко укорененное в прошлом и противостоящее мимолетности событий. Грумбах предлагает выявлять и подчеркивать те качества городской постройки, которые представители современной архитектуры определяли как “вредные” - долгий век зданий и его способность не поддаваться переменам. Эти качества, по его мнению, позволяют зданиям накапливать в своих недрах некий исторический опыт.

Грумбах подчеркивает различие между проектом здания и осуществленной по этому проекту постройкой при строительстве теряются некоторые качества проекта: очевидность внутренней структуры здания, особые точки зрения на него снизу и сверху, “сквозной” характер чтения всех его элементов с помощью разрезов, планов и фасадов и т.д. Все это куда-то исчезает в реальном здании, оцениваемом преимущественно с точки зрения его функционального назначения и с помощью некоторых композиционных характеристик. И все это вновь появляется, когда здание становится руиной, т.е. пустует и начинает разрушаться, и затем снова теряется, когда здание, включаясь в жизнь, получает новое назначение. Эти длящиеся во времени циклы “потерь – приобретений” и являются сутью архитектуры, которую Грумбах называет “искусством потерь” или “искусством наслоений”. Эти же циклы составляют основу существования города, приводят к появлению новых слоев в городском теле, ведут к строительству города на городе. Город - это палимпсест (рукопись, поверх которой написан новый текст), хранящий все предыдущие переделки, и задача архитектуры – вносить свой вклад в эту многослойность, укреплять “театр памяти”, на сцене которого - в городе стихийно разыгрываются эпизоды “приобретений - потерь”.

По мнению Грумбаха, путь архитектуры к участию в этом действии лежит через проведение реконструкции города, через использование различных сочетаний существующего и проектируемого, их распределение через добавление нового и замену старого. При этом архитектура неизбежно будет укреплять свое положение “искусства потерь”, переводя проекты в реальные постройки, стремясь перепроектировать все существующие здания в городе, тем самым создавая новые “ловушки памяти”. В этом Грумбах видит единственное назначение архитектуры, перед лицом вечности освобождающейся от необходимости удовлетворения сиюминутных нужд людей, приобщающейся к *Ars Memoria* – искусству, дававшему еще в древние времена импульс воображению и способствующему расцвету других искусств. Видно, что автор в своем стремлении выявить существо архитектурной работы в городе полностью отрывается от реальных проблем городского развития. Тем не менее концепция Грумбаха интересна тем, что представляет собой попытку по-новому раскрыть черты архитектуры города как автономного явления, сводя вместе временной характер процессов, протекающих в городе, и стабильные характеристики городской застройки.

Интересную проектную концепцию города разработал итальянский архитектор-проектировщик Альдо Росси (Rossi). Он рисует город как гигантский рукотворный объект, имеющий сложную многоуровневую структуру, как с течением времени разрастающийся продукт человеческого труда – инженерного, архитектурного и т.д. Однако, по мнению Росси, такое представление не дает возможности говорить о проблемах существования и развития города. Такая возможность открывается, если город рассматривать как *fatto urbano* (городской факт) или как их совокупность. Это центральное понятие концепции Росси, посредством которого он пытается выразить как универсальный характер формы и содержания города, так и параметры, отражающие неповторимость биографии и физиономии каждого конкретного города.

Содержание понятия городской факт или артефакт Росси раскрывает при анализе крупных сооружений в историческом городе – старинных дворцов, базилик, храмов. Главные свойства таких сооружений заключены не в их стилевых, формальных чертах, а в богатой и долгой истории их существования, наложившей на них свой отпечаток, чем отчасти объясняет Росси сильное (зачастую неосознаное) впечатление, остающееся у горожан об этих сооружениях. По мнению автора, не меньшее влияние оказывает такое сооружение на “неживое” окружение, иногда

распространяя его на довольно большую территорию; такое сооружение – хороший ориентир в городе, начальная точка отсчета при всяких переделках городской планировочной структуры, при перестройке ближайших кварталов. В таких случаях учитываются масштаб, стилистические и прочие черты объекта-артефакта. История подобных объектов (т.е. последовательность перестроек и смены способов их использования) неразрывно связана с историей города и составляет с ней единое целое. Но наверно было бы отождествлять объект – артефакт и город-артефакт, каждый из которых обладает индивидуальностью и не имеет прямого соответствия друг другу.

Росси полагает, что об индивидуальном характере архитектуры города можно говорить, если удастся определить сумму объектов – артефактов, задающих образ города, и проследить взаимосвязь артефактов с городской тканью, с каждым ее элементом – улицей, кварталом, отдельным зданием. Городская целостность познается через части, через отдельные элементы города и через их связь друг с другом. Здание также рассматривается Росси как целое, состоящее из частей, в свою очередь имеющих самостоятельные характеристики. На этом представлении строится проектная концепция Росси. В ней здание трактуется не с точки зрения его назначения (как в функциональной типологии), а как автономная структура, задаваемая тремя группами требований - местоположением зданий в городе, его формой и принципом организации его элементов. Особенность подобной типологии состоит в относительной свободе проектных решений в связи с тем, что замысел формируется не абстрактными (зачастую идентичными) требованиями к функциональным характеристикам здания, а каждый раз конкретным характером места, от которого отсчитываются остальные параметры здания. На таком рассуждении построено уже упомянутое представление о типе как универсальном логическом принципе, позволяющем собрать разнообразие элементов города в целом.

Росси обращается к представлению о типе и когда говорит об артефакте, изменяющемся во времени, но сохраняющем свою структуру и распространяющем свой принцип построения целого на окружение, на весь город. Отсюда распознавание структуры артефакта и есть овладение опытом прошлого, постижение индивидуальности образа конкретного города. Это представление и является основным ориентиром при проектировании новых городских элементов. Прошлое города, по мнению Росси, хранится его стабильными элементами - городским планировочным рисунком, зданиями-артефактами и особыми знаками, символизирующими

это прошлое, - монументами. Система монументов – физических знаков прошлого, разбросанных по городу, не менее важна, чем система артефактов, для выявления вневременных характеристик города и его индивидуальности. Еще один компонент архитектуры города, хранящий опыт прошлого, это локус – городской участок. Это понятие основано на представлении об участке застройки конкретного города, имеющем индивидуальные характеристики, но застроенном зданиями, и сущими в себе идею типа, т.е. обладающими стабильными и универсальными чертами. В этом понятии России пытаются совместить два противоположных качества любого элемента города - его индивидуальность и универсальность.

Все эти представления легли в основу проектного метода России, трактуемого им как “серии логических операций, основанных на рациональных принципах”. Материалом проектирования являются реальные характеристики городской застройки, обширная информация об историческом пути города. Далее производится синтез реального и воображаемого аспектов города с помощью представлений о локусе и монументе. И, наконец, осуществляется их рациональное осмысление в понятии артефакте, обобщающего информацию о городе на всех уровнях, от первичного городского элемента до города в целом. Связь между уровнями осуществляется на основе представления об аналоговом городе, т.е. о подобии элементов города целому. Это превращает процесс проектирования нового городского элемента в последовательность процедур, делающих структуру этого элемента подобной структуре конкретного исторического города - города-артефакта.

Идеи, высказанные Росси, и в какой-то степени реализованные в его проектах и постройках, оказали заметное влияние на определенные круги архитектурной профессии, в первую очередь в самой Италии. Сложилось профессиональное направление, разрабатывающее аспекты *tipologia edilizia* (строительной типологии) в ее противопоставлении функциональной типологии. Последняя, по мнению многих западных архитекторов, стала одной из причин появления однообразного и антигуманного городского окружения.

О необходимости реконструировать общественное пространство города в опоре на опыт прошлого пишет итальянский архитектор-проектировщик Джанкарло Роза (Rosa). Он вспоминает, что еще Альберти и Палладио трактовали город как большой дом. По его мнению, из этой трактовки можно извлечь два следствия. Первое – о конкретном характере города,

проявляющемся в совокупности конкретных объектов, составляющих застройку, и в четкой границе, отделяющей город от окружающего ландшафта; второе следствие - о том, что город является рукотворным объектом, продуктом строительной деятельности, полученным в результате последовательного прибавления построек друг к другу. Следовательно, специфика архитектуры города, кроме всего прочего, заключена и в приемах работы, с помощью которых эта застройка получена. Роза видит смысл в выделении двух систем параметров, описывающих город дважды: как жилую застройку и как систему общественных зон. С помощью этих описаний он конкретизирует тезис Росси об универсальном и в то же время индивидуальном характере архитектуры города.

Черты единообразия и повторяемости Роза видит в жилой застройке, назначение которой воплощать культуру проживания в реальных формах. Общественные здания, наоборот, вносят в городскую структуру порядок, присущий конкретному городу, обеспечивают индивидуальность его архитектуры. Общественные здания являются вехами растянутого во времени человеческого созидания города. Рассматривая чертежи крупных исторических зданий, Роза отмечает, что, например, в их разрезах можно прочесть характер конструкции города, способ создания этой конструкции, т.е. строительства. Некоторые увелеченные планы старинных зданий он предлагает использовать в качестве планов гипотетических городов. Во всем он подчеркивает идею соответствия архитектуры здания архитектуре города, интерьера - экстерьеру. Для него путь проектирования нового города - это фиксация в структуре крупного здания всех характеристик традиционного города и постепенное наращивание структуры нового города вокруг такого здания.

Итальянские архитекторы – проектировщики Джанни Фаббри (Fabbrì), Рафаэле Панелла (Panella) и Анджело Вилла (Villa) обсуждают проблемы включения нового элемента города в сложившуюся городскую структуру, рассматривая при этом разные аспекты приема, получившего название (intervento) (вмешательство). Рамки применения этого приема задаются несколькими критериями. Во-первых, это признание уникальности каждого “городского феномена”, обусловленной спецификой его местной культурой. Во-вторых, целью проектирования считается не создание объекта в соответствии со стилистическими и композиционными требованиями, а формирование элемента городской структуры в соответствии с характеристиками конкретного места. В – третьих, это осознание подобия архитектоники здания и строения тела города. Эти критерии довольно часто употребля-

ются в разговорах о совершенствовании традиционной структуры города и снятии противоречий в сегодняшней городской жизни.

Понятое городского вмешательства, как считают авторы, включает в себя и социально – экономические, и организационно-управленческие аспекты развития города. В его основе лежит техника пересмотра функционального назначения отдельных элементов города, трансформация городской структуры с целью приведения ее в соответствие с особенностями общественной жизни в городе. Важным для авторов вопросом является установление рамок “единицы вмешательства”, т.е. определение масштаба последствий реализации проектного решения - тех пределов, до которых распространяется влияние преобразований. Отвечая на этот вопрос, они обращаются к представлению о малом городе - особой единице городской структуры, имеющей автономный характер. Структура малого города задана функцией жилья, а характеристики жилого здания рассматриваются одновременно и в плане функциональной типологии, и в плане строительной (т.е. образно-конструктивной) типологии.

Жилье и организованный вокруг него цикл функционального обслуживания становится отправной точкой конкретного городского вмешательства, многоступенчатый характер которого дает определенные ориентиры для проектных разработок элементов городского окружения. По мнению авторов, проект – это каждый раз завершающий этап длительного исторического развития города, который не прекращает это развитие, а архитектурными средствами снимает весь предшествующий опыт, создавая условия для последующих изменений социальных и культурных характеристик города. Стремление архитектурными средствами сгладить социальные противоречия в жизни городов уводит западных архитекторов все дальше от социальной проблематики в сторону вопросов истории и культуры города. Заметную роль в этом процессе играет понятие типа, применяемое к любым аспектам архитектуры города - от строения городского тела до архитектоники здания и его деталей.

Итальянский архитектор – проектировщик Адриано Корнольди (Cornoldi) рассматривает тот аспект понятия типа, который устанавливает соответствие между такими характеристиками, как способ возведения, его конструктивная система и образ, его функциональное назначение и стилевые черты. Он разрабатывает технику проектирования, предполагающую четкие связи между архитектурной композицией и строительными приемами: это может смягчить или устранить разрыв между архитектурой проектиру-

емой и архитектурой реализуемой. Существо отношения между проектом и реализацией для автора выражается в связи между геометрией и историей, т.е. между формальным композиционным аппаратом архитектуры и культурными значениями, хранящими исторический опыт строительства города и жизни в нем.

Анализируя эту связь, Корнольди приходит к выводу о возможности выражения культурных значений отчасти и с помощью геометрических построений. Например, он пишет о том, что конкретным региональным культурам присуще предпочтение, отдаваемое определенному типу квартала (замкнутому, с задними дворами, с отдельно стоящими зданиями и пр.) форме дома (с внутренним двором, точечной, линейной и пр.) строения здания (с центральным залом, анфиладой, секционной структуры). Так, Корнольди пытается проследить соответствие между особенностями геометрических построений и спецификой отдельных культур во всех диапозане пространственных решений - от рисунка застройки до расположения лестницы в доме. Вслед за этим автор делает вывод о том, что одной из важных процедур в архитектурном проектировании города становится выявление и разработка геометрических характеристик традиционных городских структур. Таким образом, он как бы обращается к градостроительным приемам современной архитектуры, где геометрические характеристики проектного решения играли важную роль.

Вероятно, этим сходство и ограничивается, так как в данном случае за геометрическими построениями скрывается не программа социальных преобразований, а интерес к традиционному образу жизни. Прежние социальные цели и ценности современной архитектуры сменяются на *valore urbano* (городскую ценность), которая в определенном смысле становится символом работы западного архитектора в городском окружении. Подобная установка привела к возникновению целого ряда проектных концепций города, где город предстает хранителем обширного исторического опыта, который нужно освоить и положить в основу проектных методов.

Такие методы еще не созданы, и в настоящее время наблюдается заметное расхождение между целостным характером проектных концепций города и конкретными приемами работы архитектора в городском окружении, почти всегда узко профессиональными, фрагментарными и по-прежнему находящимися под влиянием модернистских представлений. Тем не менее в разнообразии проектных приемов можно увидеть одну общую черту, позволяющую говорить о тенденции. В западной архитектуре проис-

ходит вполне очевидное падение интереса к градостроительному проектированию, нацеленному на воплощение в конкретной ситуации принципов абстрактной функциональной модели города. Его все чаще заменяет городское проектирование, цель которого поддержание и развитие уникальных характеристик каждого конкретного участка существующей застройки города.

Кандидат архитектуры

Байджанов И.С.

Эл.почта bis-47@mail.ru

тел. 8-362-2266434